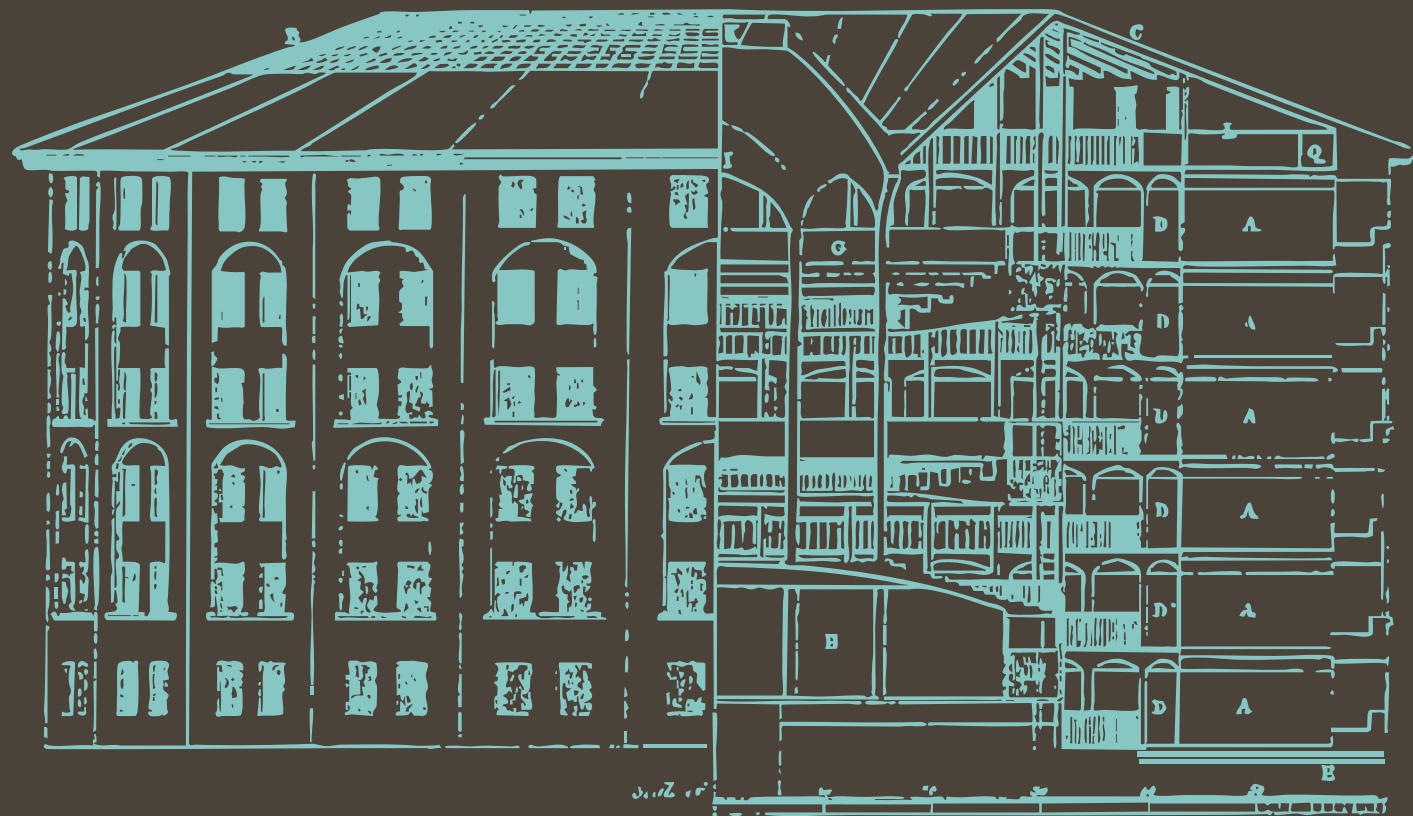

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА ДИСЦИПЛИНЫ

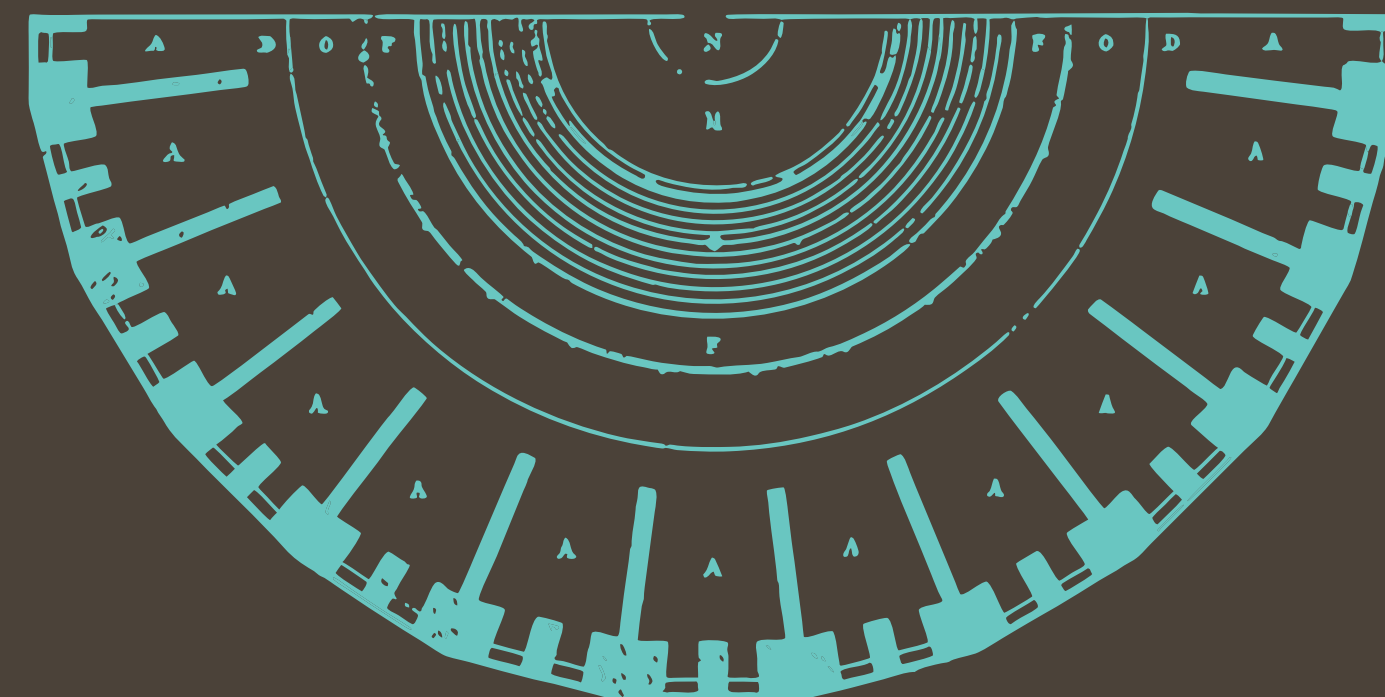

Московский
Институт
Психоанализа

ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ
ПРАКТИК ПОРЯДКА
В ОБЩЕСТВЕ

ОБЪЕКТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПОРЯДОЧИВАНИЯ ЖИЗНИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ ОТНОШЕНИИ В РАМКАХ СЛЕДУЮЩИХ ХРОНОТОПОВ: ВОЗРОЖДЕНИЕ, НОВОЕ ВРЕМЯ, ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И ПЕРЕСТРОЙКА. МЫ ИЗУЧАЕМ, КАКИЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОРЯДКА СУЩЕСТВОВАЛИ В РАЗНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ, А ТАКЖЕ КАКИМ ОБРАЗОМ И ПО КАКИМ ПРИЧИНАМ ДАННЫЕ ПРАКТИКИ ТРАНСФОРМИРОВАЛИСЬ С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ.

НАД ПРОЕКТОМ РАБОТАЛИ:

ВАЛЕЕВА АНАСТАСИЯ
ГАЗИЗУЛЛИНА ИЛЬЗИРА
ДЕСЯТНИКОВА КСЕНИЯ
ЕКОМАСОВА АЛИНА
КУРНОСОВА ДИАНА
МАЗУРУК КСЕНИЯ
СИМОНОВ АРТЕМ
ПЕТРОВА МАРИЯ
СЕМЕНОВА АННА
ЛЯНГУЗОВА ВЕРОНИКА

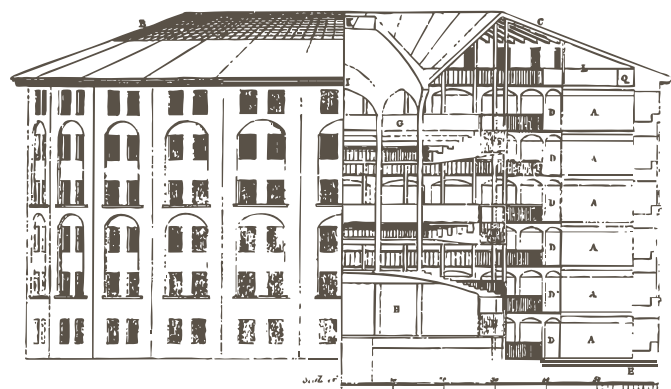
МОДЕРАТОР ПРОЕКТА:

КОНОПАТКИН ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ

2025/26

ПС6А25 КЗЧ, ПС6А25 ПКЧ

СОДЕРЖАНИЕ

Эволюция культурных практик порядка в обществе

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА ДИСЦИПЛИНЫ

III.	7 ВОЗРОЖДЕНИЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ
III.I.	Изменение восприятия пространства и времени
III.I.I.	Восприятие пространства
III.I.II.	Восприятие времени
III.I.III.	Наука
III.II.	Мировоззрение
III.III.	Социальный контроль: дисциплинарные институты и «послушные тела»
III.III.I.	Тюрьма и Паноптикон
III.III.II.	Армия
III.III.III.	Школа
III.III.IV.	Больница
III.III.V.	Фабрика (<i>мануфактура</i>)
III.III.VI.	Двор
III.III.VII.	Город
III.III.VIII.	Телесные практики Нового времени
III.IV.	Укоренение системы
IV.	23 РЕВОЛЮЦИЯ
IV.I.	Разрушение старого порядка и создание нового
IV.II.	Пространственная организация
IV.III.	Организация времени
IV.IV.	Научная организация труда
IV.V.	Образование и социализация
IV.VI.	ГУЛАГ как дисциплинарное пространство

СОДЕРЖАНИЕ

V.	35 ПЕРЕСТРОЙКА
V.I.	Кризис советской системы организации пространства и времени и попытка его преодоления
V.II.	Разрушение единого социального пространства
V.III.	Альтернативные формы социального порядка в 1990-е годы
V.IV.	Трансформация времени: от планового будущего к неопределённости
V.V.	Новые формы организации труда
V.VI.	Реконфигурация городского пространства
V.VII.	От дисциплины к самоуправлению: новые механизмы социального контроля
V.VIII.	Трансформация дисциплинарного общества в постсоветской России

45 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

48 ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

III. ВОЗРОЖДЕНИЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

III.I. ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Переход от средневековой схоластической картины мира к ренессансному антропоцентризму и впоследствии к механистической научной картине мира Нового времени ознаменовал глубокий сдвиг в понимании человеком окружающего мира. В Средние века пространство и время воспринимались как неоднородные, сакрально окрашенные, подчинённые Богу. Мир делился на сакральные центры и профанную периферию, на «прогалины» и зоны хаоса. Время было циклическим, привязанным к природным циклам и церковным службам.

Начиная с XIV-XVI веков происходит постепенный переход к иной модели: пространство и время начинают пониматься как абстрактные, однородные, измеримые и рациональные величины. Без этого сдвига были бы невозможны те дисциплинарные механизмы, которые в полную силу заработают в XVII-XVIII веках и которые Мишель Фуко назвал «дисциплинарным обществом».

Мы рассмотрим, как изменилось представление об упорядоченном обществе по сравнению со Средневековьем и как эти изменения материализова-

«Science Instructing Industry: Nude Study»
Kenyon Cox

лись в организации пространства и времени, а затем — в конкретных институтах, формирующих «послушные тела» и внутренний самоконтроль.

Организация пространства и времени как основа дисциплины: эволюция культурных практик порядка в обществе

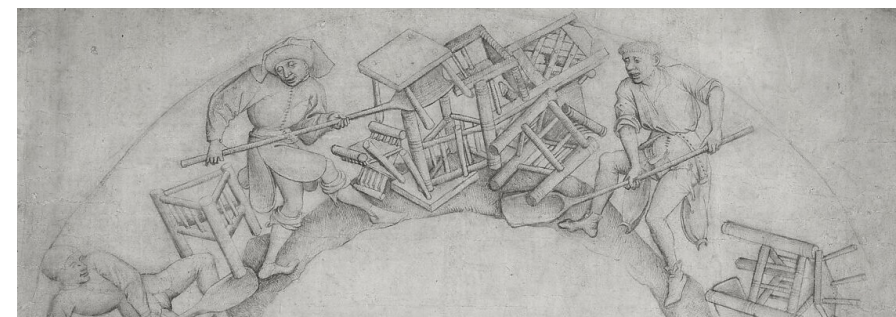
III.I.I. ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА

Ключевое изменение в восприятии пространства проявилось в искусстве. Эрвин Панофский в работе «Перспектива как „символическая форма“» показал, что линейная перспектива, утвердившаяся в живописи Возрождения, — это не просто технический прием, а выражение нового мировоззрения. Панофский, следуя идеям Эрнста Кассирера, называет перспективу «символической формой» — культурной системой, через которую человек организует свой визуальный опыт, подобно тому как язык организует мышление или миф — коллективные представления.

В Античности и Средневековье пространство на картинах строилось условно. Размер фигуры зависел от ее духовной или социальной важности, а не от удаленности. Не существовало единой точки схода, объекты могли изображаться с разных точек зрения одновременно. Это отражало представление о мире как о качественно неоднородном, иерархическом и сакральном пространстве. Перспектива Ренессанса, напротив, создаёт однородное, бесконечное, математически-упорядоченное пространство. Все объекты подчиняются единой системе координат и фиксированной точке зрения наблюдателя. Мир впервые становится полностью визуализируемым и структурированным относительно субъекта. Пространство перестает быть качественно определённой средой и становится чистой протяженностью, доступной исчислению и контролю.

Человек занимает позицию внешнего наблюдателя, который с помощью разума и геометрии может охватить и упорядочить весь мир. С изменением восприятия пространства изменяется и его восприятие в отношении способов человеческого общежития. Перемена перспективы становится основанием для зарождения тенденции к структурированию, иерархии и упорядоченности. Вскоре этот принцип переносится и на планировку городов, зданий правительств, казарм, школ. Как отмечает Панофский, перспектива не просто изображает мир, перспектива делается отражением общей смены мировоззрения, что говорит и о смене миропорядка в целом.

III.I.II. ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ

«Men Shoveling Chairs (Scupstoel)» Circle of Rogier van der Weyden, possibly Vranke van der Stockt
Clément-Pierre Marillier

Параллельно с пространством менялось и восприятие времени. Историк экономики Дэвид Ландес в книге «Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World» утверждает, что изобретение механических часов произвело настоящую революцию, сравнимую по своему влиянию с книгопечатанием. До этого время было преимущественно циклическим, привязанным к природным ритмам (смена дня и ночи, смена сезонов) и к церковным каноническим часам. Крестьянин ориентировался на солнце и на колокольный звон, который созывал к заутрене, обедне или вечерне. Время было «качественным»: один час утра не равен часу вечера, летний час длиннее зимнего. Механические часы, работающие независимо от солнца и погоды, впервые сделали возможным деление суток на равные отрезки. Они, по выражению Ландеса, «диссоциировали время от человеческих событий — и человеческие события от природы».

Время стало линейным и разделилось на одинаковые, равные единицы — часы и минуты. Ландес подчеркивает, что механические часы «вторглись как чужеродный элемент» в естественный порядок, но именно это вторжение сделало возможной новую форму социальной координации.

Теперь различные социальные группы могли действовать синхронно, ориентируясь на единый стандарт измерения времени. Городские башенные часы стали инструментом синхронизации: они задавали

ритм открытия рынков, начала работы цехов, времени городских собраний.

Ландес вводит важное различие между «послушанием времени» (*time obedience*) и «дисциплиной времени» (*time discipline*). В первом случае человек подчиняется внешнему сигналу — звону колокола, заводскому гудку. Во втором случае человек сам смотрит на часы и внутренне обязуется быть пунктуальным; он уже не ждет принуждения извне, а сам регулирует свое поведение. Последнее становится возможным с распространением карманных, и позже наручных, часов. Именно дисциплина времени становится одной из основ дисциплинарного общества модерна.

Интерииоризация дисциплины времени отразилась и на принципах организации труда, что видно в формуле Бенджамина Франклина «время — деньги». Одного внешнего принуждения было недостаточ-

«Factory Smoke» Edgar Degas

но. Пуританская этика объявила праздность грехом, а каждую минуту — даром Бога, который нельзя тратить впустую. Через проповеди и брошюры для бедных внушалось, что время надо «искупать» полезным трудом.

Так внешнее принуждение постепенно превращалось во внутреннюю самодисциплину рабочего. Человек начинал сам стыдиться «потерянного времени» и сам контролировать свой ритм жизни.

III.I.III. НАУКА

Связующим звеном между новым пониманием пространства и времени стала математика, прежде всего геометрия. Геометрия дала язык для описания однородного, измеримого пространства и линейно-текущего времени. Без геометрии были бы невозможны точные карты, позволяющие государству управлять территориями, собирать налоги и планировать военные кампании. Без геометрии невозможна военная инженерия, рассчитывающая траектории пушечных ядер, оптимальные углы крепостных стен и зоны поражения. Без геометрии невозможна архитектура, использующая пропорции, масштаб и симметрию.

Геометрия стала инструментом рационального конструирования реальности, и одновременно инструментом дисциплины, потому что позволяла всё измерить, сравнить,

расположить в иерархическом порядке и подчинить правилу. Как писал Платон в «Тимее», геометрия упорядочивает хаос, но именно в Новое время этот принцип превращается из метафоры в повседневную практику управления пространством, временем и людьми.

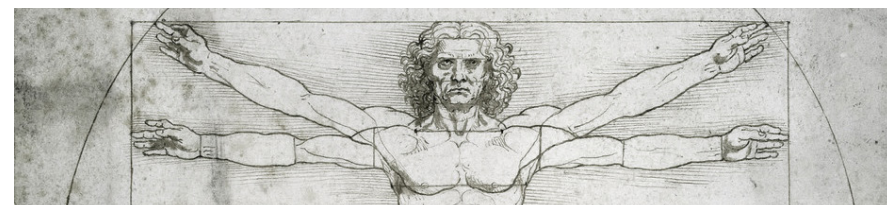

«Plan and view of the city of Arras» Stefano della Bella

III.II. МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Изменение восприятия пространства и времени ярче всего проявилось в искусстве и архитектуре Возрождения. Здесь рациональный порядок обрёл зримую, почти осязаемую форму. Художники и архитекторы создавали модель мира, в котором человек, его разум и его тело становятся мерой всех вещей.

Символом этого нового антропоцентрического мировоззрения стал «Витрувианский человек» Леонардо да Винчи. На этом рисунке человеческая фигура вписана одновременно в круг и квадрат. Искусство делает мыслимой философскую позицию, согласно которой человек есть мера всех вещей, его тело — геометрический эталон гармонии и пропорции. Круг и квадрат — символы божественного совершенства и земной устойчивости, и они оказываются соразмерны человеческому телу. Если природа и Бог устроили человека по законам симметрии и меры, то и пространство, создаваемое человеком (*город, здание, общество*), должно быть устроено так же. «Витрувианский человек» задаёт масштаб: архитектура должна быть соразмерна человеку, а общество должно строиться по образцу гармоничного, пропорционального тела.

«Vitruvian Man» Leonardo da Vinci

Леон Баттиста Альберти в трактате «Десять книг о зодчестве» впервые систематически определяет архитектуру как интеллектуальную дисциплину, основанную на математике, пропорции и гармонии. Для Альберти здание — это, в первую очередь, заранее продуманная, логически выстроенная структура, но не результат ремесленного навыка или традиции. Архитектор должен мыслить — познавать законы природы и переводить их в форму. Красота, по Альберти, становится результатом расчёта. Он сравнивает здание с живым организмом, где каждая часть подчинена целому через меру и ритм. Теперь порядок сознательно проектируется. Альберти закладывает идею, что пространство можно и нужно конструировать как логическую систему — и эту идею вскоре перенесут на организацию социальной жизни.

«Ritratto di Leon Battista Alberti» Giovanni Battista Cecchi

Наиболее утопическим, хотя и самым наглядным примером такого рационального градостроительства является проект идеального города Сфорцинда (*Sforzinda*), созданный архитектором Филарете (*Антонио Аверлино*) в XV веке. Город имеет форму восьмиконечной звезды, вписанной в круг. Улицы расходятся радиально от центральной площади, где сосредоточены главные институты: собор, дворец правителя, рынок. Город окружен крепостной стеной с башнями, и каждый элемент подчинен строгой геометрии. Сфорцинда так и не был построен, но он стал философской моделью того, как правильно организованное пространство может формировать правильное общество. Филарете верил, что форма города напрямую влияет на нравы граждан: симметрия и порядок улиц порождают симметрию и порядок в душах. Здесь геометрия выступает инструментом социального контроля: улицы направляют движение, периферия подчинена центру, а симметрия намекает на справедливость. Сфорцинда предвосхищает более поздние дисциплинарные пространства: от казарм до паноптиконов.

Возрождение создало следующую мировоззренческую основу, в которой мир рационален, измерим, исчисляем, геометричен, и человек может и должен его упорядочивать. В отличие от Средневековья, где порядок был дан Богом и не подлежал пересмотру, в Возрождении порядок становится задачей человеческого разума. Оставалось только применить эту установку к управлению обществом, что и происходит в XVII-XVIII веках.

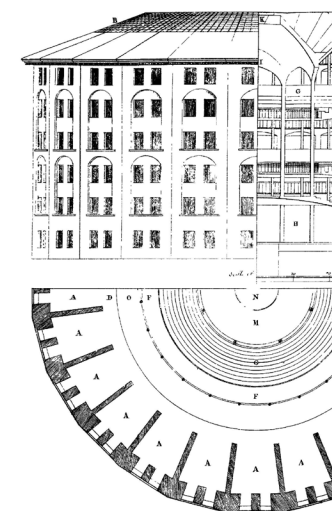
III. III. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ И «ПОСЛУШНЫЕ ТЕЛА»

В XVII-XVIII веках идеи рациональной организации пространства и времени материализуются в конкретных институтах. Мишель Фуко в книге «Надзирать и наказывать» назвал их дисциплинарными. Их цель — производить «послушные тела»: тела, которые можно подчинять, использовать, преобразовывать и совершенствовать. Фуко показывает, что дисциплина действует не насилием, а тонкой организацией среды: распределение тел в пространстве, контроль за временем, постоянное наблюдение. Дисциплинарные институты не заменяют старые формы власти (*судебную, религиозную*), но охватывают и их, проникая в самые мелкие детали повседневной жизни.

III. III. I. ТЮРЬМА И ПАНОПТИКОН

Фуко считает тюрьму квинтэссенцией дисциплинарной власти, потому что здесь цели контроля наиболее очевидны. Однако в XVII-XVIII веках тюрьма как место лишения свободы только формируется. До этого заключение было либо временным (*до суда*), либо дополнением к казни. В эпоху Просвещения возникает идея, что преступника можно исправить через дисциплину, а не только наказать. Особое место занимает архитектурная модель паноптикона, предложенная английским философом и социальным реформатором Иеремией Бентамом в конце XVIII века.

Паноптикон — это круглая или многоугольная тюрьма с центральной башней-надзирателем и камерами по периферии, которая дает возможность организовать пространственные единицы так, чтобы они постоянно были распознаваемы. Заключённый всегда видит башню, но не может определить, смотрит ли за ним надзиратель в данный момент. Создается вынужденная видимость, которая порождает постоянное самонаблюдение. Заключённый ведет себя так, как будто за ним всё время наблюдают, даже когда надзирателя нет. Власть становится невидимой, а её эффект, наоборот, видимым.

«The panopticon» Willey Reveley

Кроме того, индивид, заключённый в камеру и подчинённый поднадзорному одиночеству, не лишен света и не скрыт, однако является частью контролируемого множества, но не толпы. Отсутствие коммуникации и невидимость отдельных индивидуальностей этого множества становятся гарантией порядка. Фуко называет паноптикон «идеальной архитектурной машиной», которая производит и закрепляет отношения власти независимо от того, кто именно находится в центре.

«Panopticon» Pedro Uribe Echeverria

Эта модель быстро распространилась за пределы тюрем: больницы, школы, фабрики, казармы стали строить по принципу центрального наблюдения. Паноптикон — это символ всего дисциплинарного общества, в котором каждый человек в своей обыденной действительности чувствует себя под наблюдением, под надзором власти. Это порождает стремление индивида к приличию и ненарушению установленного порядка даже тогда, когда за ним никто не следит. С всеохватывающим паноптиконом, проникающим в ткань общества, власть распространяется до бесконечно малых величин и делает его обществом не зрелища, а надзора.

III. III. II. АРМИЯ

Армия Нового времени перестала быть временным ополчением, собираемым на время войны, и превратилась в регулярный, постоянно действующий институт. Джеффри Паркер в концепции «военной революции» показал, что распространение огнестрельного оружия (особенно мушкетов и аркебуз) потребовало коллективной синхронизации и строгой субординации. Одиночный героизм рыцаря уступил место слаженным действиям пехотных подразделений. Мориц Нассауский в конце XVI века ввёл регулярные учения, единые команды и муштру. В трактате Якоба де Гейна «Wapenhandelinge» каждое движение солдата, начиная от заряжания оружия и заканчивая перестроением в боевой порядок, разбито на последовательные фазы и стандартизировано. Пространство лагеря и поле боя строго структурированы: палатки расположены в линию, места подразделений заранее определены, маршруты движения исключают столкновения.

Время распределено до минуты: подъем, молитва, завтрак, учения, обед, вечерняя проверка. Солдаты же должны действовать не индивидуально, а синхронно, в едином ритме, часто под барабанный бой. Само тело солдата становится элементом более крупного механизма, таких как роты, полка, армии.

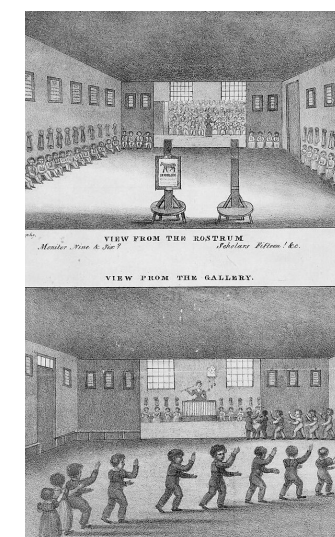
III. III. III. ШКОЛА

Одним из тех институтов, которые насаждали дисциплинарные практики уже с детства, стала школа, особенно в её иезуитском варианте, создав тем самым основу для распространения всеобщего школьного образования в дальнейшем. Орден иезуитов, основанный в 1540 году Игнатием Лойолой, создал систему образования Ratio Studiorum 1599 года, которая охватила всю католическую Европу и даже вышла за её пределы. Как показано в исследованиях В. Е. Лявшука, ключ к эффективности иезуитского коллегияума в грамотной организации пространства и времени.

Пространство класса организовано так, чтобы обеспечить постоянный визуальный контроль. Ученики размещены по рангу: лучшие располагаются спереди, ближе к учителю; отстающие — сзади или сбоку.

Учитель занимает центральное место, часто на возвышении, откуда хорошо виден каждый ученик. Сама архитектура превращается в механизм наблюдения (прообраз паноптикона). Время строго регламентировано: учебный день разбит на фиксированные интервалы — занятия, повторение пройденного, молитвы, отдых. Даже перемены имеют точную продолжительность. Иезуитские школы ввели систему поощрений и наказаний, публичных экзаменов и соревнований между учениками, что усиливало эффект постоянного наблюдения и оценки.

В результате ученики, наряду со знанием, приучаются и к подчинению расписанию, к самоконтролю: умению сидеть смирно, не разговаривать, ждать очереди, поднимать руку, прежде чем ответить. Школа становится пространством производства дисциплинированного субъекта. Как отмечает Лявшук, «дисциплина больше не навязывается извне, так как она встраивается внутрь личности». Именно в иезуитских коллегияумах, которые позднее лягут в основу всех школ, впервые систематически применяется то, что Фуко назовёт «иерархическим надзором» и «нормализующей санкцией». Иерархический надзор превращает власть в цельную систему, вплетающуюся во все отношения и области, а нормализующая санкция делает наказуемым всякое отклонение от корректного поведения, придавая тем самым нейтральной дисциплинарной машине карательную функцию.

«First Infant School in Green Street, New York» Anthony Imbert

III.III. IV. БОЛЬНИЦА

В Средневековье больные часто лечились дома или в монастырских приютах, где гигиена и организация были примитивными. В эпоху Просвещения возникает идея, что больницу нужно организовать как пространство наблюдения и изоляции. Крупные госпитали (например, *Hôtel-Dieu* в Париже или больница Святого Томаса в Лондоне) начинают строить по принципу павильонной системы.

Больные разделяются по заболеваниям, за ними ведется постоянное наблюдение врачей и сестёр. Вводится распорядок дня: утренние обходы, приём пищи по часам, вечерняя проверка. Помимо непосредственного лечения целью становится изоляция заразных, поддержание чистоты и порядка, а также воспитание пациентов в духе дисциплины. Здесь работает та же логика, что и в тюрьме: пространственная сегрегация, временная регламентация, постоянный надзор.

Больница становится местом исправления тела, что перекликается с идеями Фуко о «клиническом взгляде» и рождении современной медицины как дисциплинарной практики.

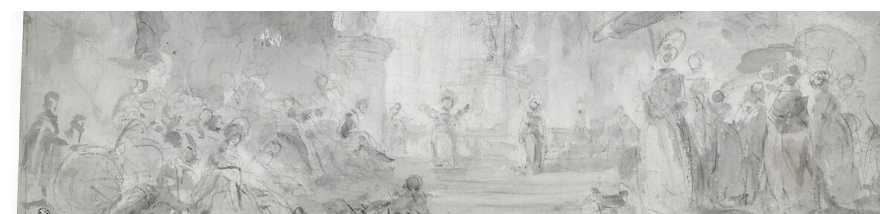
III.III.V. ФАБРИКА (МАНУФАКТУРА)

Эдвард Томпсон и Дэвид Ландес детально описали, как на первых фабриках и мануфактурах вводилась жесткая временная дисциплина. На металлургическом заводе Краули (*Crowley Iron Works*) в 1700 году рабочий день длился 13-15 часов, опоздания фиксировались в специальных табелях и штрафовались. Был введён «Законник» — свод правил, регламентирующий каждый шаг рабочего. Надзиратель запирает часы на замок, чтобы никто не мог изменить их показания. Джозайя Веджвуд на своих гончарных мануфактурах ввёл первую систему регистрации прихода («clocking-in»): специальный человек отмечал время прихода каждого работника, а опоздания вычитались из зарплаты.

Кроме того, в классическом эссе «Время, дисциплина труда и промышленный капитализм» Эдвард Томпсон дополняет эту картину с точки зрения социальной истории.

Он показывает, что в традиционном, доиндустриальном обществе люди для поддержания рабочего порядка ориентировались не на время, а на «задачу»: работали, пока не сделают конкретное дело: не свалят лес, не сожнут поле, не надоят коров. Работодатель покупал не время работника, а результат его труда. При такой организации труд и быт не разделялись жестко: работник мог прерваться, выпить, поболтать, если дело позволяло. С переходом к мануфактурам и фабрикам работодатель начинает покупать, наоборот, уже не результат, а время рабочего. Возникает острое ощущение «потерянного времени», вина за праздность, необходимость постоянного самоконтроля. Томпсон приводит множество примеров, как хозяева фабрик переводили часы, чтобы удлинить рабочий день, и заставляли рабочих иметь собственные часы, чтобы монополизировать контроль над временем.

III.III.VI. ДВОР

«View of a Park» Jean Honoré Fragonard

Внутренний порядок и мир в гражданском обществе, поддающемся индивидуальному и коллективному принуждению, обеспечивает тактика как высшая форма дисциплинарной практики и как фундамент политики, делающий дисциплину государственной. Так, дисциплинарный субъект не есть субъект низшего общественного слоя и масс, поскольку это всякий субъект государственного института, включающего элит и людей, приближенных к власти.

Норберт Элиас в работах «Придворное общество» и «О процессе цивилизации» показывает, что королевский двор XVII-XVIII веков уже из резиденции монарха трансформируется в выверенный механизм социального контроля, основанный на пространственной дисциплине. В Версале Людовика XIV доступ к королю строго иерархизирован и пространственно закреплён: чем ближе ты можешь подойти к спальне короля, тем выше твой статус. Право присутствовать на утреннем пробуждении короля (*lever du roi*) или на вечернем отходе ко сну (*coucher du roi*)

было закреплено за узким кругом аристократов и служило знаком высшего доверия. Сама планировка дворца превращается в язык власти. Пространство играет дисциплинирующую роль: через возможность перемещаться по определенным зонам дворца демонстрируется статус человека.

Элиас подчеркивает, что при дворе каждый постоянно находится под взглядами других. Это очередное проявление контроля через чужое наблюдение и оценку. Придворный вынужден следить за своими жестами, речью, эмоциями, манерами. Он усваивает сложные правила этикета, которые регулируют практически каждый шаг: как держать шляпу, кому уступить дорогу, как громко нужно смеяться. В результате внешняя дисциплина переходит во внутренний самоконтроль.

Элиас формулирует ключевую мысль: «Люди создают структуры, которые затем формируют самих людей». Это прямо перекликается с идеей Фуко о дисциплинарном обществе, но у Элиаса акцент сделан на символической и психогенетической составляющей. Язык же, о котором они говорят, со временем выходит далеко за пределы двора.

III.III.VII. ГОРОД

Города Нового времени, особенно столицы (*Париж, Лондон, Вена, Санкт-Петербург*),

превращаются в пространства, в которых дисциплина не имеет одной точки сосредоточения, она действует по всему пространству равномерно. Марвин Трахтенберг в книге «*Dominion of the Eye: Urbanism, Art, and Power in Early Modern Florence*» на примере Флоренции показывает, как городская среда организует восприятие и поведение горожан. Улицы, площади, дворцы и даже пустоты работают как «машины зрения»: они направляют взгляд, открывают неожиданные перспективы, заставляют двигаться определенными маршрутами.

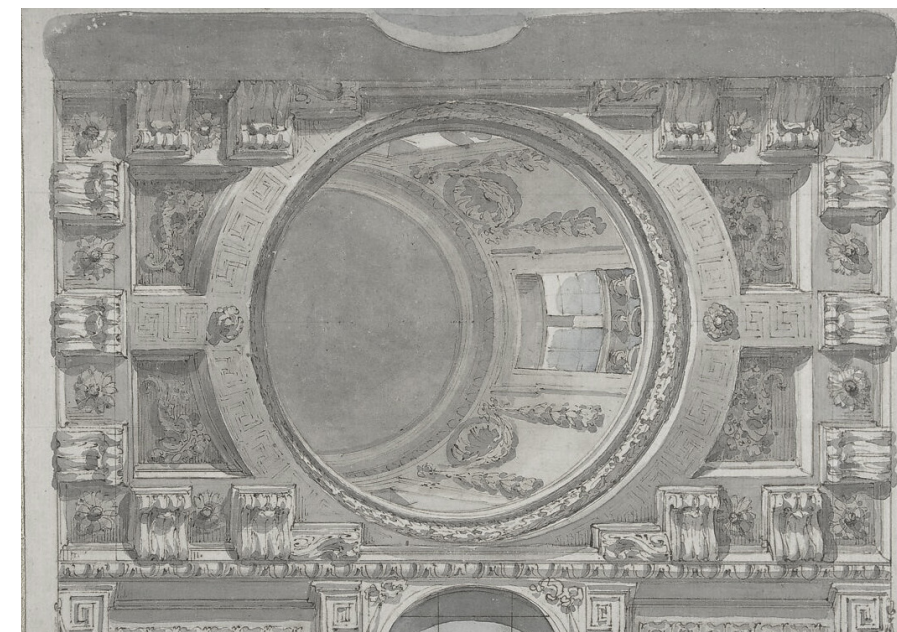
Контроль над видимостью становится контролем над интерпретацией власти. Прохожий невольно подчиняется ритму, заданному архитектурой: он замедляется перед дворцом, поднимает глаза на купол собора, сворачивает на главную площадь.

Город не статичен — он формируется во времени, через коллективные действия, перестройки, сносы и достройки.

«*Farm Buildings with Water Mill*» Jean Honoré Fragonard

Однако конечным эффектом становится подчинение, которое воспринимается как естественное. Синхронизация городской жизни через башенные часы, полицейские патрули, уличное освещение (*сначала масляные фонари, затем газовые*), регулярные рынки и общественный транспорт создает дисциплинарную среду, которая действует непрерывно и почти незаметно. Город становится механизмом управления поведением — «пространством, которое смотрит на человека», как пишет Трахтенберг.

«*Architectural Design for a Ceiling with a Dome*» Flaminio Innocenzo Minozzi

III.III.VIII. ТЕЛЕСНЫЕ ПРАКТИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В отличие от античности, где телесная дисциплина была неразрывно вплетена в жизнь полиса через коллективные практики фаланги, агогэ или хора, Новое время производит радикальную индивидуализацию и инструментализацию человеческого тела. Прежде всего, это этикет и придворное тело, которые Норберт Элиас описывает как систему контроля над жестами, мимикой, позами, громкостью голоса и даже отправлением естественных нужд: тело перестает быть естественным и превращается в знак статуса и самодисциплины.

Параллельно развивается военная муштра — синхронный шаг, повороты, зарядание ружья по команде, где тело солдата работает как деталь механизма; в отличие от античной фаланги, где тело защищало соседа, здесь оно подчиняется абстрактному ритму и приказу. На первых фабриках и мануфактурах формируется фабричная поза и трудовые движения: корпус наклонен над станком, руки совершают однотипные операции, разговоры и отвлечения запрещены — тело становится придатком машины.

Школьная дисциплина тела требует сидеть смирно, не вертеться, поднимать руку, смотреть на учителя, а не в окно, тем самым формируя «партовую позу», которая позже будет изучаться гигиенистами и педологами. Наконец, в конце XVIII — начале XIX века возникает гимнастика и физкультура (например, система Ф. Яна в Германии), которые, в отличие от античного гимнасия как места гармоничного развития, направлены на выработку выносливости, точности и подчинения команде: тело тренируют не для красоты, а для полезности государству.

Все эти практики объединяет одно: они интериоризируют дисциплину. Человек начинает сам следить за своей осанкой, жестами, темпом движений даже тогда, когда надзиратель его не видит. Именно это превращает «послушное тело» из внешнего требования во внутреннюю привычку — ключевое достижение дисциплинарной революции Нового времени.

«The Exercise of Arms»
Jacques de Gheyn II

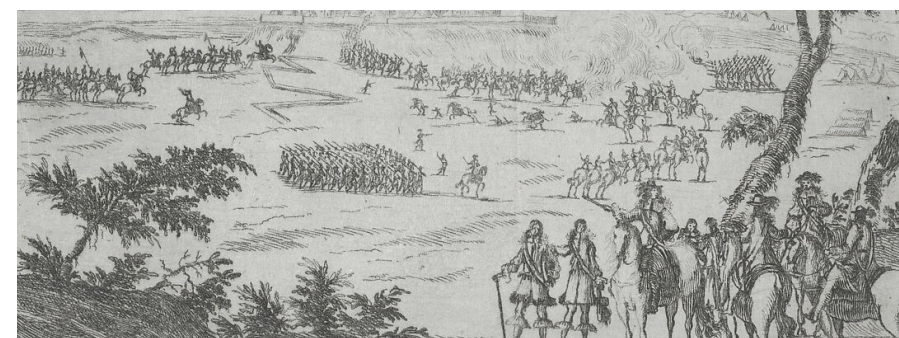
III.IV. УКОРЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ

К концу XVIII века система, в которой пространство и время выступают главными инструментами социальной дисциплины, становится доминирующей в западных обществах. Школа, армия, тюрьма, больница, фабрика и двор функционируют как взаимосвязанные механизмы, формирующие послушные тела и самодисциплинирующихся субъектов. Эта модель порядка настолько укоренилась, что стала восприниматься как естественная и единственно возможная. Люди уже не задаются вопросом, почему нужно приходить на работу к определённому часу, почему дети должны сидеть за партами, а не бегать, где хотят, почему больных изолируют, а преступников запирают в камеры-одиночки.

Однако дисциплинарное пространство-время не было статичным. Манфредо Тафури показывает, что в XIX и XX веках утопические проекты тотальной организации (от социалистических городов-фаланстеров до модернистских микрорайонов) часто оборачивались новыми формами контроля.

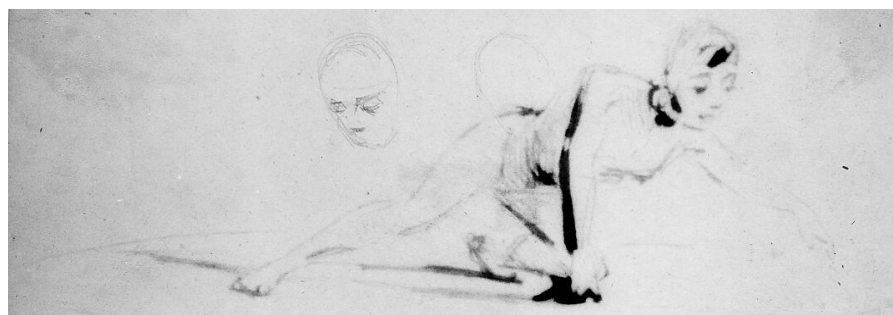
Дисциплина становится гибкой, распределенной, встроенной в экономику и логику. Архитектура перестаёт быть инструментом явного контроля и превращается в инфраструктуру, которая незаметно направляет поведение: аэропорты, торговые центры, офисные опенспейсы, системы видеонаблюдения. Время ускоряется: появление железных дорог, телеграфа, интернета заставляет людей реагировать мгновенно, планировать не только день, но и минуты.

Тем не менее, именно в период от Возрождения до конца XIX века сформировалась та современность, в которой мы во многом продолжаем жить.

«L'Idea di un Principe ed
Eroe Cristiano in Francesco
I d'Este, di Modena e Reggio
Duca VIII» Bartolomeo
Fenice

ВЫВОД

«Gladiator» James McNeill Whistler

В эпоху Возрождения и Нового времени произошёл решающий поворот в понимании порядка. Пространство перестало быть сакральной иерархией и стало однородной, измеримой геометрической средой. Время перестало быть циклическим природным ритмом и превратилось в линейный, равномерно текущий ресурс, подлежащий учету и экономии. Эти изменения подготовили почву для возникновения дисциплинарных институтов — школы, армии, тюрьмы, больницы, фабрики, двора, — которые использовали пространство и время для производства послушных тел.

Ключевым результатом этого процесса стала интериоризация дисциплины. Внешние механизмы контроля постепенно превращались во внутренние установки личности. Человек Нового времени научился сам следить за временем, за собственным местоположением, самостоятельно соблюдать порядок, контролировать свои жесты и эмоции даже тогда, когда за ним никто не наблюдает.

К концу рассматриваемого периода в обществе и общественных институтах укрепилась модель, основанная на формировании порядка и во времени, и в пространстве через муштру, тактики и различные дисциплинарные механизмы, проникнувшие в поведение и в повседневность индивидов.

IV. РЕВОЛЮЦИЯ

IV.1. РАЗРУШЕНИЕ СТАРОГО ПОРЯДКА И СОЗДАНИЕ НОВОГО

Революция 1917 года поставила задачу полного и глубокого переустройства общества. Большевики стремились разрушить старый порядок, основанный на сословности, религиозных традициях и дореволюционных институтах. Вместо него предстояло создать новое устройство общества. Смена политической и идеологической парадигмы предполагала также фундаментальные изменения в повседневности людей: как человек живёт, каков его распорядок, как распределяется время и как организуется пространство вокруг него.

На первых этапах советской власти одной из центральных целей было формирование «нового человека». Это означало, что недостаточно сменить власть — нужно изменить сами привычки, поведение, сознание людей. Если капиталистическое общество держалось на частной собственности и индивидуализме, то социалистическое общество должно было строиться на совместном труде и слаженной работе всего коллектива. Чтобы добиться этого, необходимо было перестроить саму среду, в которой существовал человек.

Марксизм-ленинизм как идеология сложился в русле европейского модерна, а потому унаследовал его ключевые черты: веру в прогресс, рациональное переустройство общества, планирование и контроль. Именно эти установки большевики перенесли в практику государственного строительства. Уже в апреле 1918 года В. И. Ленин сформулировал основные линии программы по переделке человека. Партия брала на себя роль воспитателя, ведущего общество к коммунистическому будущему. Человек превращался в объект постоянного воспитательного воздействия. С установлением власти И. В. Сталина модель «нового человека» изменилась. На смену ориентации на развитие личности пришёл идеал человека-исполнителя. Важнейшими качествами становились коммунистическая идейность, преданность партии, труд как смысл жизни и коллективизм.

В последующих разделах будет показано, как именно большевики пытались перестроить пространство и время — через жильё, город, производство, школу и другие институты.

IV.II. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

IV.II. I. ДОМ-КОММУНА И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ БЫТА

«Новоселье» Кузьма Петров-Водкин

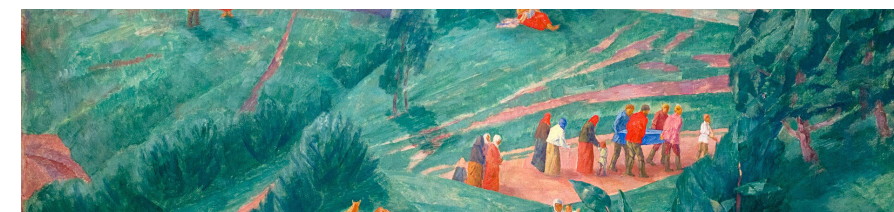
Одним из первых шагов в перестройке пространства стал эксперимент с жильём. В 1920-е годы архитекторы-конструктивисты предложили новый тип жилья, получивший название «дом-коммуна». Его главной особенностью было сокращение личного пространства ради развития коллективного быта. Общие столовые, прачечные, библиотеки и детские комнаты должны были заменить традиционную семейную организацию жизни.

Тем самым большевики стремились решить задачи разного характера. Среди них, во-первых, освобождение женщин от домашнего труда — кухонного рабства — через учреждение фабрик-кухонь и детских садов. Во-вторых, решение проблем с недостатком жилья в перенаселённых городах путем создания коммунальных квартир. В-третьих, воспитание новых ценностей с помощью распространения практик коллективного быта, благодаря которым человек ставил бы общие идеалы выше личных, а взаимопомощь возвышалась бы над индивидуализмом. Как писал С. О. Хан-Магомедов, представители конструктивизма, которые были союзниками большевиков, воспринимали архитектуру как средство создания новой социальной реальности.

Общежития и коммунальные квартиры становились инструментами социализации. Общие пространства — коридоры, кухни, умывальные комнаты, создавали условия постоянного взаимодействия и взаимного контроля между жильцами.

Соседи знали, кто во сколько уходит и возвращается, кто принимает гостей, кто нарушает тишину. Пространство само организовывало повседневность и дисциплинировало поведение.

В доме-коммуне функцию надзирателя выполняли соседи и общественное мнение, превращая быт в инструмент дисциплины — здесь контроль исходил не от единого центра, а от самой коллективной среды, что делало его ещё более всепроникающим.

«Полдень» Кузьма Петров-Водкин

IV.II.II. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД

С началом индустриализации в конце 1920-х годов пространственный эксперимент вышел за пределы отдельных домов. Началось строительство крупных промышленных центров — Магнитогорска, Кузнецка, Нижнего Тагила. По наблюдениям Стивена Коткина, эти города структурировали городское пространство. Вокруг предприятий формировались жилые районы, школы, клубы. Повседневная жизнь населения оказывалась тесно связана с производством. Особое же значение приобрела концепция соцгорода.

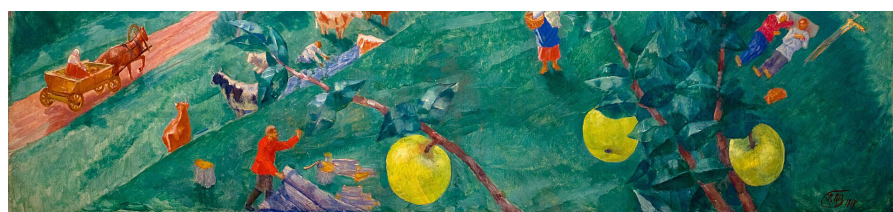
Архитекторы стремились организовать пространство так, чтобы повысить эффективность труда, сократить время перемещений и расширить коллективные формы взаимодействия. Проекты линейного города Николая Милютина предполагали рациональное размещение жилых, производственных и транспортных зон. Советское градостроительство стремилось к функциональному разделению пространства, что позволяло упорядочивать потоки населения и делать социальное поведение более предсказуемым.

Стремление к геометрической упорядоченности города и к его функциональному зонированию напоминает ренессансные проекты идеальных городов, такие как Сфорцинда Филарете, где радиальная планировка, симметрия и иерархия пространства мыслились как инструмент формирования добродетельных нравов граждан. В советском соцгороде эта утопическая идея получила материальное воплоще-

ние, но теперь она служила скорее эффективности производства, логистике и тотальной управляемости населения, чем гармонии человека и космоса. Пространство, перестав быть философской моделью, стало инженерным решением.

Рабочие смены, расписания транспорта и графики работы учреждений создавали единый ритм городской жизни. Традиционные временные циклы, такие как церковные праздники, сезонные сельскохозяйственные работы, уступали место логике индустриального производства и государственного планирования.

IV.II.III. СТАЛИНСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

«Полдень» Кузьма Петров-Водкин

К началу 1930-х годов период авангардных экспериментов сменился стремлением к стабильности и к централизации. Конструктивизм с его функциональностью и лаконичностью уступил место сталинскому классицизму. Архитектура приобрела величественный характер: колонны, арки, симметричные композиции, масштабные общественные здания.

Владимир Паперный в работе «Культура Два» связывал этот переход с движением от культуры эксперимента к культуре стабильности, централизации и порядка. Пространство переставало быть площадкой для преобразований и становилось механизмом закрепления существующей системы.

Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года предусматривал создание широких магистралей, новых площадей и крупных общественных пространств. Это облегчало проведение массовых демонстраций и государственных праздников. В этом процессе особое место занимали монументальные проекты — Дворец Советов, Московский метрополитен. Наряду с практическими функциями, они выполняли функции и идеологические, формируя тем самым образ могущественного государства и вовлекая граждан в единое символическое пространство.

IV.III.ОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ

IV.III.I. НОВЫЙ КАЛЕНДАРЬ И ПРАЗДНИКИ

Первым шагом в перестройке времени стал переход с юлианского на григорианский календарь в 1918 году. Это символизировало разрыв с дореволюционной традицией и включение страны в пространство современного мира. Одновременно происходила замена религиозного календаря революционным: центральное место заняли годовщина Октябрьской революции, Первое мая и другие советские праздники, поскольку именно через них формировалась новая коллективная память.

Массовые демонстрации, парады и государственные праздники синхронизировали общественную жизнь. Они собирали людей в одном месте и в одно время, создавая ощущение единства и коллективной идентичности. В этом смысле они выполняли ту же функцию, что и церковные праздники в средневековом обществе, но с другим содержанием.

IV.III.II. ЛИГА «ВРЕМЯ», КУЛЬТ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

В 1923 году по инициативе Платона Керженцева была создана Лига «Время». Её целью было распространение культуры рационального использова-

ния времени и борьба с опозданиями, неорганизованностью и неэффективной работой. Лига издавала брошюры, проводила кампании и учила людей планировать свой день.

Время рассматривалось как общественный ресурс, а его экономия — как обязанность перед коллективом. Населению предлагалось учитывать затраты времени, контролировать собственные привычки и избегать «пустого» времяпрепровождения. Это был шаг к формированию самодисциплины — человек должен был научиться следить за временем самостоятельно, без внешнего принуждения.

«Тревога» Кузьма Петров-Водкин

IV.III.III. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РИТМ И НЕПРЕРЫВНАЯ НЕДЕЛЯ

Индустриализация потребовала от советского государства перестройки рабочего времени. Как отмечал Эдвард Томпсон, индустриальное общество требует строгой временной дисциплины, основанной на расписаниях и синхронизации действий.

Наиболее радикальным экспериментом стала введенная в 1929 году непрерывная рабочая неделя («непрерывка»). Население разделялось на группы с разными выходными днями, что позволяло предприятиям работать без остановок. Это разрушало традиционные временные ритмы, связанные с воскресным отдыхом. Однако впоследствии реформа вызвала трудности: разные выходные дни затрудняли семейное общение, а непрерывная эксплуатация оборудования ускоряла его износ.

В начале 1930-х годов от этой системы отказались. Пятилетние планы задавали общий ритм развития страны. Они делили время на циклы (*пять лет, год, квартал, месяц*) и привязывали к ним производственные показатели. Через планы государство синхронизировало деятельность предприятий, учреждений и граждан, превращая время в инструмент управления. Время выходило за пределы товарности и становилось главным ресурсом государственного планирования, подлежащим учёту, нормированию и принудительной синхронизации в масштабах всей страны.

«Натюрморт с сиренью»
Кузьма Петров-Водкин

IV.IV. НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

В 1920-е годы советское руководство активно внедряло принципы научной организации труда (НОТ), заимствованные у Фредерика Тейлора. Ленин подчёркивал необходимость сочетания достижений НОТ с задачами социалистического строительства. Однако советская интерпретация тейлоризма отличалась от западной. В капиталистической системе рационализация была направлена на рост прибыли, в СССР же она рассматривалась как средство формирования «нового человека» и нового социального порядка.

В первой половине 1920-х годов советские нотовцы разрабатывали собственные методики по психофизиологии труда, то есть по определению условий, при которых с максимальной производительностью усталость рабочего была бы минимальной. Рабочий процесс подвергался измерению и анализу, вводились нормы выработки и единые стандарты работы. Производительность труда становилась количественным показателем, который можно было контролировать и сравнивать.

Центральный институт труда (ЦИТ), созданный в 1920 году под руководством Алексея Гастева, стал ключевым центром советской НОТ. Гастев рассматривал труд как инструмент преобразования человека. Сотрудники ЦИТа изучали трудовые движения рабочих, измеряли затраты времени и разрабатывали наиболее эффективные способы выполнения операций. Гастев предлагал обратиться к армейскому опыту как образцу для трудовой культуры. Он писал: «Рабочая портативность военной одежды, стра-

«После боя» Кузьма Петров-Водкин

тегия и тактика, пропитанная новейшей механикой, приспособление армий для трудовых целей, наконец, весь режим казарменно-осадного положения с учётом каждой калории и каждого боевого усилия — всё это мы должны взять, как невиданный массовый опыт трудо-боевых отправок».

Вместо традиционного ученичества ЦИТ предлагал систему ускоренного обучения стандартизированным трудовым приёмам. От работника требовались точность, дисциплина и способность действовать в едином ритме с производственным процессом.

К середине 1920-х годов научные и практические вопросы постепенно заменялись идеологическими. К 1930-м годам научная организация труда и поддерживавшее её движение были свёрнуты, а часть учёных и исследователей — репрессированы.

IV.V. ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ.

IV.V. I. СОВЕТСКАЯ ШКОЛА

В первые годы становления советской системы огромное внимание уделялось ликвидации безграмотности, распространению всеобщего образования и укреплению образовательных институтов. Эта необходимость рождалась не только из практических целей, к которым стремилась советская власть, но и из цели распространить дисциплинарные практики на более широкие слои населения, внедрив их в жизнь массового человека с раннего детства. Ребёнок должен был усваивать новые нормы поведения.

Пространственная организация классов подчинялась строгим правилам: фиксированные рабочие места, контроль поведения и перемещений. Ученики сидели за партами, выстроенными в ряды, лицом к учителю, что

позволяло учителю видеть каждого ученика и поддерживать порядок.

Время в школе было столь же регламентированным: расписание уроков, звонки, четверти, каникулы. Так, ученики привыкали к тому, что их жизнь подчинена графику. В 1930-е годы образовательная система стала более централизованной и унифицированной. Были введены единые программы, учебники и система оценивания. Н. К. Крупская считала, что воспитание должно формировать способность оценивать собственные поступки через их общественные последствия. Главным объектом воспитания становилось отношение учащегося к учёбе, учителю, товарищам, школьному имуществу и школьному распорядку. Дисциплина строилась на общественном мнении коллектива и внутреннем принятии коммунистических норм поведения.

IV.V. II. ПИОНЕРИЯ И КОМСОМОЛ

Пионерская организация, созданная в 1922 году, расширяла пространство воспитания за пределы школы. Пионерские лагеря, дома пионеров, клубы — всё это были пространства, где дети учились жить в коллективе. В лагерях распорядок дня был строго регламентирован: подъём, зарядка, завтрак, трудовые дела, спортивные мероприятия, отбой. Через этот ритм формировались навыки подчинения общим правилам.

Деятельность пионерии строилась вокруг чётко организованного времени: линейек, собраний, праздников и памятных дат. Символика, клятвы и коллективные ритуалы укрепляли чувство принадлежности к организации. Для подростков ключевую роль играл комсомол. Успеваемость, трудовая дисциплина, общественная активность и личное поведение становились объектом постоянной оценки. В период индустриализации комсомол участвовал в строительстве заводов и городов, превращая коллективный труд в средство воспитания ответственности.

«Фантазия» Кузьма Петров-Водкин

IV.V. III. АРМИЯ

Советская армия претерпела существенные изменения. В ранне-советский период, после революции, были отменены офицерские звания и погоны — это символизировало разрыв с царским прошлым и демократизацию армии. Однако позже (1935-1943) погоны и офицерские звания были возвращены. Армия снова стала строго иерархичной, что необходимо было продемонстрировать через символические формы ее организации.

Помимо классических армейских дисциплинарных институтов, в советское время особое место занимали военные парады, синхронизированные с праздничным календарем. Ежегодно в годовщину Октябрьской

революции и в День солидарности трудящихся войска собирались на огромных площадях, выстроенные в четкие геометрические линии, двигавшиеся под ритм барабанной дроби. Парады демонстрировали дисциплину, порядок и мощь государства.

IV.VI. ГУЛАГ КАК ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

«Рабочие» Кузьма Петров-Водкин

В 1918 году возникла идея создания специальных лагерей для «антисоветских элементов». Официально они должны были выполнять задачу перевоспитания через «школу социалистического труда». Фактически же они изолировали политически неблагонадёжных людей.

Пространственная организация лагерей была строго продумана. Заключённых доставляли в необжитые районы, где они сначала строили собственные землянки, бараки и вышки, а затем приступали к выполнению хозяйственных задач. Лагерь делился на зоны: жилая, производственная, изолятор. Вышки с часовыми обеспечивали постоянный надзор. Колючая проволока обозначала границу, которую нельзя пересекать. Каждый шаг заключённого был под контролем.

Время в лагере также было строго регламентировано: подъём, проверка, выход на работу, обед, отбой. Норма выработки определяла, сколько заключённый должен сделать за день. Если норма не выполнялась, следовало наказание. Время превращалось в инструмент принуждения: оно не принадлежало человеку.

В официальном описании лагерь являлся учреждением, где человек через труд и коллективную дисциплину становился новым советским гражданином. В свидетельствах заключённых лагерь представлял пространством тяжёлой работы, голода, истощения, наказаний и борьбы за выживание. Такое лишение человека свободной воли путем запрета на самостоятельное определение своего положения в пространстве и на возможность контролировать

личное время говорило о том, что дисциплинарные механизмы власти достигли своего апогея. Тюрма вышла за границы пенитенциарного учреждения и охватила широкие слои населения, превратив ГУЛАГ в систему дисциплины, воздействующую не только на тех, кто находился за колючей проволокой, но и на тех, кто видел ее лишь издали. Лагерь служил постоянным напоминанием о пределах допустимого поведения, благодаря которому страх перед возможным наказанием трансформировался в механизм самоконтроля миллионов людей.

«Работник» Кузьма Петров-Водкин

ВЫВОД

Анализ советского проекта показывает, что в XX веке процессы организации пространства и времени достигли предельной степени рационализации, превратившись из объектов измерения в объекты тотального государ-

«Свеча и графин» Кузьма Петров-Водкин

ственного конструирования. Советская власть, оттолкнувшись от сформировавшихся в Новое время дисциплинарных институтов, пошла дальше и объединила их в единую систему «социальной инженерии», направленную на производство «нового человека».

Пространство в этот период окончательно утвердилось как инструмент коллективизации быта. От авангардных домов-коммун до монументальных сталинских ансамблей архитектурная среда про-

ектировалась как «социальный конденсатор», обеспечивающий постоянную видимость индивида и условия для взаимного надзора.

Время же превратилось в главный ресурс государственного планирования. Через внедрение научной организации труда (НОТ), пятилетние планы и синхронизацию жизни миллионов граждан власть создала жесткий темпоральный режим, где пунктуальность и эффективность стали гражданским долгом.

Ключевым результатом советского периода стала тотальная интериоризация контроля. Через непрерывную цепочку институтов — от школы и пионерии до регулярной армии и системы лагерей — дисциплина превратилась из внешнего принуждения во внутреннюю установку личности, став фундаментальным принципом государственного строительства и превратив общество в единый, предсказуемый механизм, работающий в ритме пятилеток.

Таким образом, советское время стало кульминацией развития современных практик порядка, в которых рациональное управление охватило не только текущую деятельность человека, но и само проектирование будущего.

V. ПЕРЕСТРОЙКА

V.I. КРИЗИС СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ И ПОПЫТКА ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Советская модель общественного устройства на протяжении нескольких десятилетий выстраивала дисциплинарный порядок через тотальную регламентацию пространства и времени. Государство контролировало перемещения граждан, задавало единые трудовые ритмы через пятилетние планы, синхронизировало общественную жизнь через календарь праздников и формировало образ будущего как идеологический ориентир. Пространство и время выступали основными инструментами управления — через них власть организовывала повседневность, делала поведение предсказуемым и подчиняла индивидуальные ритмы коллективным.

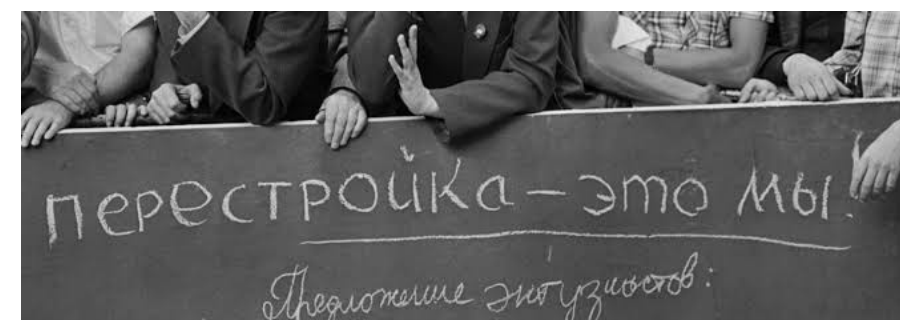
Однако к середине 1980-х годов эта система утратила эффективность. Формализация институтов и бюрократизация управления привели к тому, что регламентированные практики воспроизводились механически, теряя дисциплинарное значение. Централизованное планирование всё чаще вступало в противоречие с реальными потребностями людей, порождая неформальные способы решения повседневных задач — использование личных связей, теневые обмены, адаптацию к дефициту. Эти практики свидетельствовали о том, что официальные институты перестали быть главными регуляторами повседневной жизни, а значит, пространство и время как инструменты дисциплины утрачивали свою функцию.

В ответ на кризис советское руководство предприняло две стратегии — политику «ускорения» и гласность. «Ускорение» было попыткой восстановить контроль над временем: государство стремилось задать новый вектор развития, сжать хронологические рамки и заставить социальные механизмы работать в более интенсивном режиме. Гласность, напротив, ослабляла контроль над пространством смыслов — информационная монополия разрушалась, и единая система координат, организовывавшая восприятие прошлого, настоящего и будущего, переставала существовать.

Однако реформы не укрепили дисциплинарную систему. Власть не предложила новой временной модели, а лишь попыталась форсировать старые плановые механизмы. Ослабление цензуры разрушало прежние ориентиры быстрее, чем формировались новые. Результатом стала дезорганизация пространства и времени.

Образовался дисциплинарный вакуум — состояние, при котором прежние институты утратили эффективность, а новые ещё не сложились. Перестройка, задуманная как обновление, фактически открыла путь к дезорганизации прежнего порядка и поиску новых форм регуляции.

V.II. РАЗРУШЕНИЕ ЕДИНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

1987 год. Ленинград.
Белинский Юрий,
Пороховников Олег

Важнейшим инструментом поддержания дисциплины в советском обществе было единое символическое пространство. Через образование, средства массовой информации, кинематограф и государственные ритуалы формировалась целостная картина мира, основанная на идеях социализма и коммунистического будущего. Государство выступало главным производителем смыслов, определяя допустимые интерпретации прошлого, настоящего и будущего. Это позволяло задавать единый ритм общественной жизни через календарь праздников, памятных дат и обязательных мероприятий.

Перестройка привела к разрушению этого механизма. Ослабление цензуры, публикация ранее запрещённых материалов и пересмотр исторических событий подорвали монополию государства на производство смыслов. Традиционные категории советского дискурса утрачивали универсальный характер, уступая место идеологическому и культурному плюрализму. В результате исчезала единая система координат, которая раньше организовывала восприятие пространства и времени. Когда разрушился общий язык и единые представления о прошлом и будущем, общество лишилось ориентиров, которые раньше структурировали повседневность.

V.II.I. НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Советский Союз представлял собой единое пространство, управляемое из центра: через плановую экономику, транспортную инфраструктуру и административное деление государство контролировало перемещения, ресурсы и повседневную жизнь на всей территории.

Перестройка и распад СССР разрушили эту модель. Бывшие административные границы стали государственными, и на каждой новой территории появились свои субъекты власти, которые стали претендовать на установление дисциплинарного контроля. Вместо единого центра возникло множество центров принятия решений, каждый со своими правилами, законами и механизмами регулирования. Прежняя унифицированная система организации пространства перестала существовать, а контроль над территорией оказался фрагментированным.

На смену общесоветской идентичности пришли национальные и региональные формы самоопределения. Новые государства начали формировать собственные исторические нарративы и границы, что также влияло на то, как люди воспринимали и осваивали пространство вокруг себя. Распад СССР привёл не только к появлению новых карт, но и к смене сил, которые теперь устанавливали порядок и дисциплину на этих территориях.

«The Red Square. Opus IX»
Юрий Садовников

V.III. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В 1990-Е ГОДЫ

V.III. I. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В условиях дисциплинарного вакуума часть регулирующих функций постепенно переходила к негосударственным акторам, которые начинали самостоятельно обеспечивать безопасность, разрешать

конфликты и контролировать экономические отношения.

Одним из таких негосударственных акторов стали криминальные группировки. В условиях слабости правоохранительных органов и отсутствия эффективной судебной системы они взяли на себя функции обеспечения безопасности, разрешения конфликтов и контроля над экономической деятельностью. Наиболее влиятельной формой такой альтернативной регуляции стал воровской мир — устойчивая социальная организация с собственными механизмами принуждения, иерархией и системой норм.

В отличие от государства, которое поддерживало дисциплину через контроль над пространством и временем, воровская система действовала через архаичные домодерновые практики. Её основу составляли «воровские понятия» — неформальные правила, регулирующие отношения внутри сообщества, разрешение конфликтов и применение санкций. Дисциплина здесь обеспечивалась жёсткой иерархией, личной ответственностью перед сообществом и угрозой насилия, а не универсальными законами. В условиях кризиса государственной дисциплины общество не осталось без контроля — регулирующие функции лишь временно перешли к иным формам власти.

Красная площадь. Владимир Богданов

V.III. II. ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВУ МОНОПОЛИИ НА ДИСЦИПЛИНУ

Период криминализации общественной жизни оказался относительно непродолжительным. Со второй половины 1990-х годов, а особенно после начала 2000-х, российское государство постепенно восстановило контроль над ключевыми сферами общественной жизни, вернув себе монополию на легитимное применение насилия и поддер-

жание социального порядка. Завершение эпохи «дисциплинарного вакуума» сопровождалось укреплением государственных институтов, централизацией власти и ограничением влияния неформальных центров силы.

Одним из важнейших направлений стало усиление правоохранительной системы и судебных институтов. Государство последовательно сокращало пространство, в котором криминальные структуры могли выполнять функции альтернативного регулятора. По мере укрепления силовых органов снижалось влияние организованной преступности, а функции обеспечения безопасности, разрешения конфликтов и защиты собственности вновь переходили под контроль официальных институтов. Однако восстановление дисциплины не означало возвращения к советской модели. В отличие от

Очередь на «Неделю совести» перед ДК МЭЛЗ и милиционер

позднесоветской системы, основанной на всеобъемлющем идеологическом контроле, современная российская модель сочетает административное управление с рыночными механизмами, цифровыми технологиями и практиками саморегуляции. Государство сохраняет ключевую роль в обеспечении общественного порядка, но значительная часть дисциплинарных функций реализуется через экономические стимулы и индивидуальную ответственность.

V.IV. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВРЕМЕНИ: ОТ ПЛАНОВОГО БУДУЩЕГО К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Советская система строилась на убеждении, что будущее познаваемо и управляемо. Коммунизм рассматривался как заранее известная цель, которая объединяла экономическое планирование, идеологию и повседневную жизнь. Государство формировало у граждан представление о неизбежном движении к обществу социальной справедливости. Этот образ будущего выполнял важную дисциплинарную функцию: он оправдывал трудовые нормы, общественную активность и подчинение государственным задачам. Как отмечал Райнхарт Козеллек, современные общества существуют благодаря соотношению между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий». В СССР этот горизонт был институционально закреплён — время было организовано и подчинено единой перспективе.

Перестройка разрушила эту модель. Гласность и публикация ранее закрытой информации о репрессиях и экономических проблемах подорвали

доверие к официальной версии истории. Коммунистический проект перестал быть универсальным ориентиром. Если прежде прошлое, настоящее и будущее были связаны единой идеологической схемой, то теперь эта связь распалась: прошлое подверглось критике, настоящее воспринималось как кризис, а будущее потеряло ясные очертания. Для дисциплинарной системы это имело принципиальное значение — производственные нормы и общественная активность лишились своего символического основания.

Рыночные преобразования, гиперинфляция и экономическая нестабильность сделали долгосрочное планирование практически невозможным. Как отмечал Энтони Гидденс, человек оказался вынужден самостоятельно конструировать собственную жизненную траекторию. В результате советская модель организации времени, основанная на пятилетних планах и предсказуемом будущем, уступила место высокой динамике, неопределённости и постоянной адаптации. Власть утратила способность диктовать

ритм общественной жизни, а на смену долгосрочному планированию пришли краткосрочные стратегии и необходимость быстро реагировать на изменения.

V.V. НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

V.V.I. ПЕРЕХОД К РЫНКУ КАК ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Переход от плановой экономики к рыночной в годы перестройки и постсоветских реформ изменил всю систему общественной координации. Централизованное планирование, определявшее объёмы производства, распределение ресурсов и занятость, к началу 1980-х столкнулось с кризисом: бюрократизация, дефициты и технологическое отставание потребовали реформ. Однако сочетание плановых и рыночных механизмов оказалось противоречивым — старые управленческие связи разрушались быстрее, чем формировались новые.

После распада СССР радикальная «шоковая терапия» (либерализация цен, приватизация) заменила государственное распределение рыночной конкуренцией и договорными отношениями. Это привело к децентрализации управления: предприятия и работники оказались в ситуации неопределённости, в которой сами должны были адаптироваться к меняющимся условиям.

Трудовая дисциплина претерпела аналогичную метаморфозу. Перестройка и рыночные реформы ликвидировали прежние гарантии, ввели конкуренцию и угрозу безработицы — это стало новым дисциплинирующим фактором. Мотивация сместилась от идеологических стимулов к материальному вознаграждению и карьерному росту. Изменилась и мотивационная основа саморегуляции: в советский период она опиралась на

«Гласность»
Дмитрий Пригов

коллективную ответственность (*страх подвести коллектив, сорвать план*), тогда как в постсоветских условиях на смену пришли индивидуальные страхи — обнищания, профессиональной несостоятельности, потери статуса. Работник вынужден самостоятельно поддерживать квалификацию, планировать время и адаптироваться, но теперь это обусловлено не долгом перед обществом, а личной выгодой и выживанием в конкурентной среде. Предприятия утратили социальные функции, в управлении персоналом распространились индивидуальные показатели, гибкая оплата и оценка эффективности. Вместо стабильной занятости пришли временные и проектные контракты, выросла профессиональная мобильность.

Парад на Красной площади. Евгений Халдей

V.V.II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ПРАКТИК УПРАВЛЕНИЯ

В постсоветский период на смену административно-командной системе пришли менеджерская и корпоративная культура с их повседневными регуляторами: регламентация обеденных перерывов, организация открытых офисных пространств, нормирование перерывов и системные аттестации. Предприятия получили самостоятельность и столкнулись с необходимостью учитывать спрос, конкуренцию и риски, что стимулировало внедрение западных управленческих концепций — в частности, управления по целям, ориентированного на результаты, развитие персонала и инициативу.

Корпоративная культура закрепила общие ценности, командную работу и ответственность, а методы управления персоналом охватили подбор, обучение и карьерное планирование. Широко распространились системы оценки эффективности, сделавшие контроль повседневным инструментом. Работники теперь самостоятельно отслеживают свою эффективность и профессиональный рост.

Внедрение новых моделей шло неравномерно: современные практики нередко сосуществовали

с элементами прежней административной культуры, образуя гибридные формы. Дисциплина перестала быть исключительно внешним принуждением и всё больше опиралась на внутреннюю ответственность, профессионализм и ориентацию на результат, при этом сохранив жёсткую регуляцию через временные регламенты и пространственные решения.

V.VI. РЕКОНФИГУРАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

V.VI.I. КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В постсоветский период городское пространство утратило функцию исключительного инструмента государственного управления коллективной жизнью и всё больше стало подчиняться логике коммерции и потребления. Советская модель организации города, отражавшая принципы коллективизма и централизованного контроля, дополнилась средой, где поведение людей определяется также коммерческой инфраструктурой и рыночными стимулами.

«Перестройка, гласность, демократизация»
Артем Ромашов

Производственные зоны и склады переоборудуются в торговые и офисные центры, открытые пространства заполняются рекламой, вытеснившей идеологическую символику. Торговые центры начинают заменять традиционные общественные пространства, формируя новые повседневные практики, в которых потребление и коммерческий досуг становятся основными формами времяпрепровождения. Пространство организуется уже не только административными решениями, но и инвестициями и рыночным спросом.

Городская среда перестала быть исключительно пространством коллективной дисциплины, навязанной государством. Государственные институты сохранили своё присутствие (*правоохранительные органы, административные регламенты, система образования и здравоохранения*), однако к ним добавились

новые механизмы регуляции. Коммерческая инфраструктура, визуальные коды (*реклама*) и рыночные механизмы формируют дополнительные модели поведения и самоорганизации горожан, сосуществуя с традиционными государственными институтами.

V.VI.II. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАССЛОЕНИЕ ОБЩЕСТВА

В постсоветский период усилилась пространственная дифференциация города. Формируются элитные охраняемые жилые комплексы и закрытые территории, вводящие собственные правила доступа и режимы использования пространства. Развитие личного автотранспорта и пригородной застройки позволило обеспеченным группам населения выбирать место проживания независимо от работы, тогда как для менее обеспеченных жителей транспортные ограничения стали фактором, определяющим доступность ресурсов и мобильность. Городское пространство утратило советскую относительную однородность и превратилось в среду, где доступ, перемещения и использование территории регулируются рыночными механизмами и имущественными барьерами.

V.VII. ОТ ДИСЦИПЛИНЫ К САМОУПРАВЛЕНИЮ: НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

V.VII. I. САМОДИСЦИПЛИНА В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Одним из важнейших последствий постсоветской трансформации стало изменение характера дисциплины. Человек оказался вынужден самостоятельно устанавливать для себя правила организации пространства и времени, оценивать риски и нести ответственность за собственные решения.

Изменилось и отношение к труду. Если в советской культуре он воспринимался как общественный долг, подкреплённый системой планирования и контроля, то в рыночной системе — как средство достижения

Продажа хлеба. Владислав Михайлов

личного успеха. Позднемодерное общество характеризуется индивидуализацией, при которой человек самостоятельно принимает решения в сфере образования, карьеры и образа жизни. Нестабильность становится нормой, а успех зависит от способности быстро адаптироваться.

Шествие демократических сил, 1990. Дмитрий Соколов, Андрей Соловьев

V.VII. II. ПРАКТИКИ САМООРГАНИЗАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Наряду с коллективной самоорганизацией распространялись практики индивидуального управления собой. В Россию активно проникали идеи личной эффективности, тайм-менеджмента, предпринимательства и саморазвития. Согласно концепции «технологий себя» Мишеля Фуко, современный человек становится активным субъектом собственного формирования, используя практики самонаблюдения, самоконтроля и самосовершенствования. Развивая эти идеи, Николас Роуз показывает, что в условиях неолиберальной правительности управление всё чаще осуществляется через формирование ответственного и автономного субъекта, самостоятельно регулирующего своё поведение. В постсоветских условиях, когда внешние дисциплинарные рамки ослабли, эти практики стали способом самостоятельно организовывать время и пространство повседневной жизни.

Ослабление государственного контроля не привело к исчезновению дисциплины, а сопровождалось

возникновением новых механизмов социального регулирования, в которых всё большую роль играли личная ответственность и самодисциплина.

V.VIII. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Проведённый анализ показывает, что конец XX века стал периодом глубокой трансформации механизмов организации пространства, времени и социальных взаимодействий в России. Советская модель, основанная на централизованном управлении, дисциплинарном контроле и планирова-

Фотоархив журнала «Огонёк»

Изменения в пространственной организации общества включают региональную дифференциацию, коммерциализацию городской среды и развитие новых центров социальной активности. Временная перспектива также трансформировалась: долгосрочные государственные проекты уступили место краткосрочным стратегиям адаптации.

Переход к рыночной экономике изменил характер дисциплины. Административное регулирование дополнилось рыночными механизмами, основанными на конкуренции и индивидуальной ответственности. Контроль всё чаще осуществляется через саморегуляцию.

Перестройка и постсоветские реформы не ликвидировали дисциплинарные механизмы, но изменили их форму. Централизованное управление уступило место более сложной системе, объединяющей государственное регулирование, рыночную координацию и самодисциплину. Постсоветская Россия представляет собой пример перехода от индустриального дисциплинарного общества к новой модели социального порядка, основанной на сочетании различных механизмов управления и самоорганизации.

нии, уступила место более гибким формам регулирования.

Кризис советской системы привёл к ослаблению дисциплинарных институтов — школы, армии, предприятий, партийных организаций и системы планирования. Перестройка ускорила этот процесс: гласность и либерализация общественной жизни ослабили государственную монополию на информацию и контроль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования мы проследили, как на протяжении истории человечество изобретало и совершенствовало способы поддерживать порядок в обществе. Главными инструментами для этого всегда служили организация пространства и времени — то, как мы обустроиваем города, планируем свой день, подчиняемся расписаниям или живём в соответствии с природными ритмами. Эти, казалось бы, простые вещи на самом деле являются мощнейшими механизмами управления поведением людей, задавая рамки их повседневной жизни.

В Античности порядок отождествлялся с космосом — гармоничным и соразмерным устройством мира, противостоящим хаосу. Дисциплина была вплетена в жизнь полиса через коллективные практики: гипподамова сетка и агора формировали пространство города, фаланга и агогэ — телесную дисциплину воина, гимназии и хор — ритмическое согласование движений. Время носило циклический характер и было связано с природными и ритуальными ритмами. Это была дисциплина, основанная на непосредственном участии и коллективной ответственности.

Средневековье принесло иную модель: порядок стал осмысляться как божественное устройство мира, не подлежащее пересмотру человеком. Монастырская жизнь с её Уставом святого Бенедикта, колокольным звоном и распорядком дня стала образцом регламентированного пространства и времени — «времени церкви». В XIII–XIV веках с ростом городов возникло «время купца» — линейное и экономически ориентированное. Одновременно происходила интериоризация контроля через исповедь: грех переставал быть только нарушением внешнего закона, становясь болезнью души, а самодисциплина и чувство вины — внутренними механизмами воздействия.

Решающий поворот произошёл в эпоху Возрождения и Нового времени. Пространство перестало быть сакральной иерархией и стало однородной, измеримой геометрической средой. Время перестало быть циклическим природным ритмом и превратилось в линейный, равномерно текущий ресурс, подлежащий учёту и экономии. Эти изменения подготовили почву для возникновения дисциплинарных институтов — школы, армии, тюрьмы, больницы, фабрики, двора, — которые использовали пространство и время для производства «покорных тел». Ключевым результатом этого процесса стала интериоризация дисциплины: внешние механизмы контроля постепенно превращались во внутренние установки личности.

Советский проект стал кульминацией этого развития. Большевики,

унаследовав установки европейского модерна — веру в прогресс, переустройство общества, планирование и контроль, — довели их до предельной степени рационализации. Пространство было перестроено через дома-коммуны, соцгорода и сталинскую реконструкцию, превратившись в инструмент коллективизации быта и постоянного взаимного надзора. Время стало главным ресурсом государственного планирования: пятилетние планы, научная организация труда и синхронизация жизни миллионов граждан создали жёсткий темпоральный режим. Через непрерывную цепочку институтов — от школы и пионерии до регулярной армии и системы лагерей — дисциплина стала тотальной, охватив все сферы жизни и превратив общество в единый, предсказуемый механизм. Однако именно эта тотализация контроля создала условия для будущего кризиса.

Красная площадь.
Владимир Богданов

К концу 1980-х советская модель исчерпала себя. Прежние механизмы контроля перестали работать: формализация институтов и бюрократизация управления привели к тому, что регламентированные практики воспроизводились механически, теряя дисциплинарное значение. Реформы — «ускорение» и гласность — не укрепили систему, а, напротив, посодействовали её разрушению. Образовался дисциплинарный вакуум, в котором старые институты уже не работали, а новые ещё не сложились.

В 1990-е годы этот вакуум начал заполняться альтернативными формами порядка. Криминальные группировки взяли на себя функции обеспечения безопасности и разрешения конфликтов, предлагая архаичные домодерновые практики регулирования. Однако уже со второй половины 1990-х годов государство постепенно восстановило контроль, вернув себе монополию на поддержание социального порядка.

В постсоветский период сложилась новая модель организации пространства и времени. Городское

пространство утратило функцию исключительного инструмента государственного управления: на административным решениям пришли рыночные механизмы, коммерческая инфраструктура и имущественные барьеры. Время перестало быть линейным и предсказуемым: долгосрочные государственные проекты уступили место краткосрочным стратегиям адаптации к неопределённости. Трудовая дисциплина трансформировалась: на смену коллективной ответственности пришли индивидуальные страхи обнищания, профессиональной несостоятельности и потери статуса. Дисциплина всё чаще осуществляется не через прямое принуждение, а через саморегуляцию, где человек вынужден самостоятельно организовывать своё время и пространство.

Таким образом, культурные практики порядка эволюционируют от внешне навязанной дисциплины, опирающейся на коллективную организацию пространства и времени, к дисциплине внутреннего самоконтроля и личной ответственности.

От античного полиса через средневековый монастырь, нововременные дисциплинарные институты и советский проект тотального планирования до постсоветской рыночной децентрализации — пространство и время остаются главными инструментами организации общественной жизни, однако способы их использования меняются. Внешнее принуждение уступает место внутреннему контролю, коллективные формы надзора дополняются и заменяются индивидуальной саморегуляцией.

Постсоветская Россия представляет собой пример перехода от жёстко централизованной дисциплинарной системы к более сложной модели, где соседствуют государственное регулирование, рыночные механизмы и личная самоорганизация.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве: в 2 т. / пер. В. П. Зубова. — М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1935–1937.
2. Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 160 с.
3. Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление «нового человека». — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — 278 с.
4. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Фёдоровой. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
6. Бойм С. Общее место: мифология повседневной жизни / пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 320 с.
7. Браун А. Фактор Горбачёва / пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2016. — 816 с.
8. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. — М.: Прогресс, 1986–1992.
9. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
10. Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М.: ОГИ, 1998. — 432 с.
11. Волков В. В. О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. — 1997. — № 6. — С. 9–23.
12. Волков В. В. Силовое предпринимательство: экономические и социологические аспекты. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2003. — 256 с.
13. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. — М.: РОССПЭН, 2006. — 448 с.
14. Гастев А. К. Как надо работать. — М.: Экономика, 1972. — 478 с.
15. Гастев А. К. Трудовые установки. — М.: Экономика, 1973. — 343 с.
16. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней: в 3 кн. — М.: МИК, 2000.
17. Гидденс Э. Последствия модерности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова. — М.: Праксис, 2011. — 352 с.
18. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
19. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — 400 с.
20. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 564 с.
21. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
22. Керженцев П. М. Борьба за время. — М.: Экономика, 1965. — 176 с.
23. Козеллек Р. Будущее прошлого. К семантике исторического времени / пер. с нем. — СПб.: Владимир Даль, 2003. — 664 с.
24. Коткин С. Магнитная гора: сталинизм как цивилизация / пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2011. — 616 с.
25. Котц Д., Вейр Ф. Путь России от Горбачёва к Путину: гибель советской системы и новая Россия / пер. с англ. — М.: ЛЕНАНД, 2013. — 448 с.
26. Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. — М.: Педаго-

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- гика, 1957–1963.
27. Landes D. Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World. — Cambridge: Harvard University Press, 1983. — 482 p.
28. Ле Гофф Ж. Рождение чистилища / пер. с франц. — М.: Астрель, 2011. — 544 с.
29. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с франц. — М.: Прогресс, 1992. — 376 с.
30. Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 45. — С. 372–388.
31. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1969. — Т. 36. — С. 165–208.
32. Лефевр А. Производство пространства / пер. с франц. И. Стаф. — М.: Strelka Press, 2015. — 432 с.
33. Лявшук В. Е. Организационные аспекты образовательной модели иезуитского колледжума: монография. — Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2010. — 239 с.
34. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. — М.: Правда, 1987. — 640 с.
35. Макаренко А. С. Флаги на башнях. — М.: Художественная литература, 1986. — 432 с.
36. Медведев Р. А. Перестройка и причины её поражения. — М.: Права человека, 2004. — 320 с.
37. Милютин Н. А. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. — М.: Государственное издательство, 1930. — 84 с.
38. Нефедов С. А. История Советского Союза. Факторный анализ. Т. 1–2. — М.: Территория будущего, 2010.
39. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма» / пер. с нем. И. В. Хмелевских, Е. Ю. Мазура. — СПб.: Азбука-классика, 2003. — 272 с.
40. Паперный В. Культура Два. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 408 с.
41. Паркер Дж. Военная революция. Инновации в военном деле и подъем Запада, 1500–1800. — Cambridge: Издательство Кембриджского университета, 1988.
42. Радаев В. В. Экономическая социология. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2005. — 603 с.
43. Сакс Дж. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени / пер. с англ. — М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. — 424 с.
44. Сеннет Р. Плоть и камень: тело и город в западной цивилизации / пер. с англ. — М.: Strelka Press, 2016. — 400 с.
45. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. — 652 с.
46. Тафури М. Архитектура и утопия: Проектирование и развитие капитализма. — Cambridge (Massachusetts): MIT Press, 1976.
47. Томпсон Э. П. Время, дисциплина труда и промышленный капитализм // Томпсон Э. П. Плебеи и патриции. — М.: ВШЭ, 2009. — С. 200–244.
48. Trachtenberg M. Dominion of the Eye: Urbanism, Art, and Power in Early Modern Florence. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 358 p.
49. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 1930-е годы / пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2008. — 336 с.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

50. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с франц. Н. Автономовой. — СПб.: Наука, 2011. — 544 с.
51. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.
52. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с франц. А. В. Дьякова. — СПб.: Наука, 2010. — 448 с.
53. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. — СПб.: Наука, 2001. — 380 с.
54. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 т. — М.: Стройиздат, 1996.
55. Хан-Магомедов С. О. Пионеры советской архитектуры. — М.: Галарт, 1995. — 424 с.
56. Харви Д. Краткая история неолиберализма / пер. с англ. Н. Софронова. — М.: Поколение, 2007. — 288 с.
57. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 576 с.
58. Хлевнюк О. В. История Советского Союза. 1917–1991. — М.: Альпина Паблишер, 2022. — 560 с.
59. Хлевнюк О. В. История сталинского ГУЛАГа. — М.: РОССПЭН, 2004. — 624 с.
60. Шмонин Д. В. В тени Ренессанса: Вторая схоластика в Испании. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 469 с.
61. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. / пер. с нем. А. М. Руткевича. — М.: СПб.: Университетская книга, 2001.
62. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.
63. Яковлев А. Н. Сумерки. — М.: Материк, 2003. — 688 с.
64. Яницкий О. Н. Социология риска. — М.: LVS, 2003. — 192 с.
65. Ясин Е. Г. Новая эпоха — старые тревоги: политическая экономия. — М.: Новое издательство, 2004. — 456 с.
66. Carr E. H. Foundations of a Planned Economy, 1926–1929. Vol. 1–3. — London: Macmillan, 1969–1978.
67. Castells M. The Rise of the Network Society. — 2nd ed. — Oxford: Blackwell Publishing, 2010. — 597 p.
68. Cooke C. Russian Avant-Garde: Theories of Art, Architecture and the City. — London: Academy Editions, 1995. — 288 p.
69. Davies R. W. The Industrialisation of Soviet Russia. — London: Macmillan, 1980–1998.
70. Gheyn J. de. Wapenhandelinge van Roers Musquetten ende Spiessen (Упражнения с оружием, мушкетами и пиками). — Amsterdam, 1607.
71. Gregory P. The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 320 p.
72. Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism. — Ithaca: Cornell University Press, 2002. — 240 p.
73. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. — New Haven: Yale University Press, 2007.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- 714 p.
74. Ledeneva A. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — 312 p.
75. Reese R. The Soviet Military Experience: A History of the Soviet Army, 1917–1991. — London: Routledge, 2000. — 256 p.
76. Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. — New York: W. W. Norton, 1998. — 176 p.
77. Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — 321 p.
78. Taylor F. W. The Principles of Scientific Management. — New York: Harper & Brothers, 1911. — 144 p.
79. Verdery K. What Was Socialism, and What Comes Next? — Princeton: Princeton University Press, 1996. — 304 p.